

Чернов Юрий
(заслуженный артист
России.)

13.10.04

ЮРИЙ ЧЕРНОВ:

Бросали в меня яйца, помидоры, стыдили прохожие

Культура. 2004. - 7-13 окт. - с. 16

Юрий ЧЕРНОВ — заслуженный артист России, окончил отделение эстрады и клоунады Государственного училища циркового и эстрадного искусства, режиссерский факультет ГИТИСа по специальности “режиссура эстрады и массовых представлений”, работал в Московском театре миниатюр, театрах Школа современной пьесы, “Экспромт”, Театре Луны, был ведущим на телевидении (“Спокойной ночи, малыши”, “Колесо истории”). Снялся более чем в 30 фильмах: “Доживем до понедельника”, “Приключения Электроника”, “Деревенский детектив”, “Карнавал”, “Ширли-мырли”, “Короли российского сыска” и других. Тридцать пять лет назад Станислав Ростоцкий в картине “Доживем до понедельника” повел историю любви, ревности, зависти, ненависти, предательства и дружбы в отдельно взятом государстве — советской школе. Для Юрия Чернова участие в этой картине стало счастливым лотерейным билетом.

— Юрий Николаевич, а как Ростоцкий выбрал вас на роль недоуны Сироматникова?

— Я тогда снимался на Студии Горького в картине “Пароль не нужен”. Играл солдата, переодетшегося в генерала японской армии. Шел в таком виде, с приклеенной черной бородой, по коридору студии. И случайно заглянул к Ростоцкому. Тот посмотрел и ахнул: “Это ж Сироматников!” Ну и понеслось...

— А как вас, студента, отпускали из училища на съемки?

— Я скрывал участие в съемках, как мог — то похороны бабушки, то тети, то дяди... Но фильм вышел, обман раскрылся. Картина прошла “на ура”, и все простили. Мне было тогда восемнадцать лет.

— Эта роль стала вашей визитной карточкой в большое кино. Слава потом не замучила?

— Популярность была. На улице узнавали. Интервью брали. Мама была счастлива. Кстати, во мне ее гены — она такая веселая, живая, петь любила, актрисой могла стать, но пошла работать во время войны на авиационный завод. А отец работал в Куйбышеве во Дворце культуры художником — он тогда нарисовал большую афишу к фильму, где я красовался рядом с Тихоновым...

— А почему вы все-таки выбрали цирковое училище?

— Чисто случайно. Я вообще-то после школы поехал поступать в Москву из Куйбышева во все театральные училища. Меня в детстве ведь дразнили “Юрка-артист”. До пятого класса был отличником, но главное — блистал на всех концертах-утренниках. И даже на Куйбышевском телевидении засветился — вел как

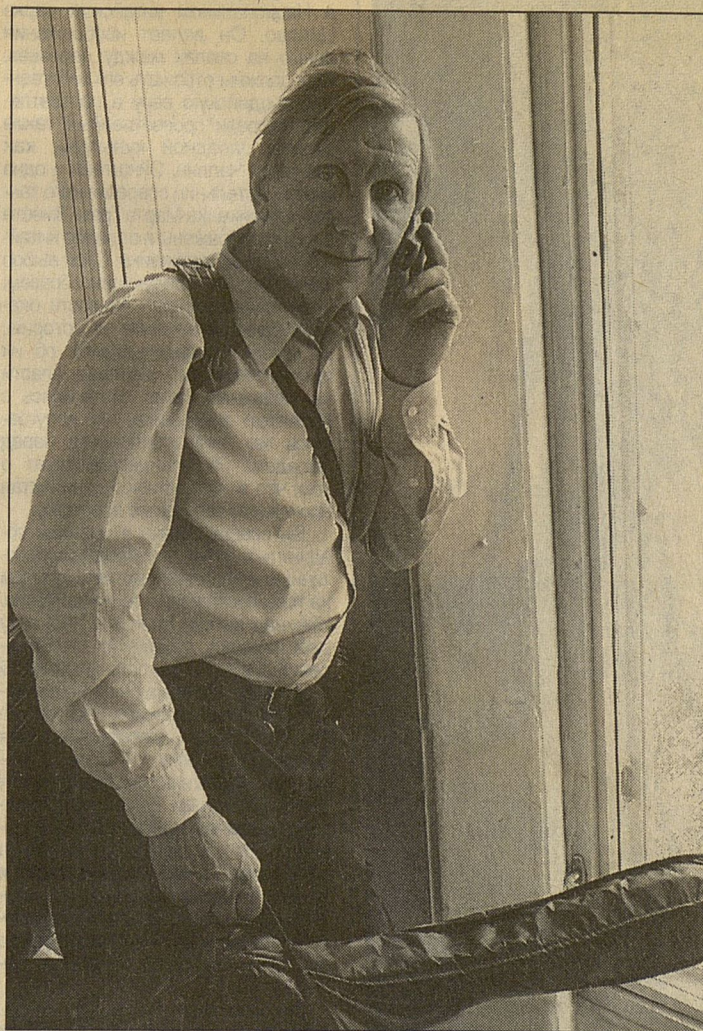
конференцию детский концерт. При чем свободно-вольготно. А режиссерам нравилось. Так вот, во все театральные вузы я прошел на второй тур. А тут товарищ, с которым я жил вместе в общежитии, попросил подыграть ему на гитаре — он поступал в цирковое. И меня уговорили там остаться. Со мной вместе учились не самые бездарные люди: Геннадий Хазанов, Наталья Варлей, Юрий Куклачев, Жанна Бичевская, Илья Олейников. Летом мы подрабатывали, что называется, “на разогреве” у Николая Сличенко. Нас объявляли в первом отделении: “Артисты Московского театра”.

— Вы мастер на все руки?

— ...Артист-эстрадник. Все могу! Жонглирую, фехтую, со стулом на лбу балансирую, пантомиму покажу. В свое время педагог Тамара Трифоновна Гаврилова посоветовала сделать номер с балалайкой. А я уже играл на трубе, саксофоне, кларнете, гармонике, гитаре... Взял — оказался к лицу инструмент.

— Вам, наверное, часто предлагают сниматься в сказках?

— Предлагали. Двадцать лет назад я снялся в последней сказке: “Там, на неведомых дорожках”, где были и Баба-яга, и Кошечка Бессмертная. Но наши дети эти фильмы не увидят. Потому что нет денег отпечатать копии... Кстати, когда я участвовал в “Колесе истории”, по-настоящему познавательной передаче об истории России, как-то, помню, в студии прозвучал вопрос: “Каких русских сказочных персонажей вы знаете?” В ответ — тишина. Дети уже забыли, кто такой Илья Муромец, Добрыня Никитич, Соловей-разбойник, Баба-яга...

Ю. Чернов

— Какое кино сейчас нужно детям, на ваш взгляд?

— Самое главное — доброе. Потому что столько кругом жестокости, столько боли сердечной. Вот “Возвращение” — хорошая картина, но опять же там все через боль. Сидишь — и у тебя щемит сердце. Оно у нас и так каждый день щемит. И так каждый день страшно выходить на улицу, боязно... Год назад перед открытием анапского детского фестиваля “Киномалышок”, где я был членом жюри, милиционеры осматривали с собаками каждый угол зала, заглянули под каждое кресло, чтобы, не дай бог, террористы не подложили никакого взрывчатого вещества. Мы все прекрасно понимаем, что это

надо делать. Но это страшно. Такого не должно быть. Террористы — нелюди. Может быть, если они увидят на экране больше добра, они тоже как-то подберут. Хотя, конечно, трудно перевоспитать нелюдей. Да и в кино они, скорее всего, не ходят. А на чем выросли мы? На сказках Роу, Птушко. У них был хороший конец. Они были все светлые. Несмотря на то что там бушевали злые силы, все эти нечисти — Кошечка Бессмертная, баба-яга... Даже эти страшные персонажи в исполнении наших актеров казались добрыми, в них не было кровавой жестокости. Хотя там случались и драки, и убийства, и зло. Но добро побеждало. Герой совершал подвиг и только после этого получал

принцессу. Сейчас фильм начинается с крови и заканчивается ею же. Такое засилье жестокости — и у положительных героев, и у отрицательных... Американское кино посмотрел — и забыл. Ни сострадания, ни переживания к главным героям. Как-то моя маленькая еще дочка Ярославна смотрела какую-то картину по телевизору. Я ей говорю: “Пойдем ужинать”. Она мне отвечает: “Подожди, сейчас убьют тут одного, и я пойду”. Убьют, и я пойду ужинать. Получается, что дети уже нормально воспринимают убийство в кино, посмотрев эти ужастики, всяких телепузиков и симпсонов.

— А как ваши дети относятся к вашей работе?

— Когда мой сын Максимка посмотрел мои фильмы, он спросил жену: “Мам, чего у нас папа такой плохой?” Я ведь играл отрицательные роли. А мама отвечает: “Что ты, сыночек. У нас папа самый хороший и замечательный”. Так вот, чтобы в глазах сына не быть плохим, я поступил на режиссерский факультет. Он меня сподвигнул на это.

— Любите анекдоты?

— Нет! Клянусь! Я много их слышал, но не могу ни одного рассказать. Но горжусь, что стоит напротив цирка на Цветном бульваре машина-памятник Никулину и в нем есть моя частица. Может, там кусочек руля, или кусочек колеса, или шнурок на ботинке — я участвовал в одном из благотворительных концертов цирка, все деньги от которого пошли на этот памятник. Никулин — мой кумир, как Раневская, Крючков, Андреев. Они так произносили слова с экрана, что мы о них вспоминаем и полвека спустя. Сейчас же все актеры пластичные, органичные, но за этим больше ничего нет.

— А почему?

— Мало кто из современных режиссеров умеет сегодня работать с актером. Откуда возьмется сила характера, перевоплощение? Никто не знает, что такое сверхзадача. Друг за другом говорят свой текст — вот и вся игра. Раньше были фильмы, которые люди смотрели без конца. Фразы, которые разлетались, как поговорики. А сейчас у нас только одну крылатую фразу повторяют: “Ну, вы, блин, дайте!” Все. Когда-то мы хотели быть похожими на героев, а сейчас с кого брать пример? С киллера или антикиллера?

— Вы согласны, когда вас называют комиком?

— Я не знаю, кто я. Мне кажется,

что я просто актер, который любит играть в кино. Мне не хотелось бы, чтобы люди говорили: вот комик. Или трагик. Мне бы хотелось, чтоб говорили: вот актер, который может сыграть и в комедии, и в трагедии, и на эстраде, и в театре. То есть для меня это была бы самая большая похвала. А играть приходилось и пьяниц, и дебоширов, и бандитов, и двучников. Бросали в меня яйца, помидоры, голуби гадили... Помню, в “Фитили” с Валерием Носиком продавал утюг из-под полы. Снимали скрытой камерой. Так ко мне подходили прохожие, стыдили: “Смотри, стыдоба какая! В рекламе икру жрал, а тут дошел совсем, утюг продает на опломхелку”.

— Как вы добываетесь, что любая детская аудитория слушает вас раскрыв рот?

— Любому актеру должно уметь разговаривать с детьми. Почему обязательно надо прикидываться? Да, у тебя есть какой-то имидж. Но ты оставь его для своего взрослого шоу где-то на телевидении. А когда приходишь на встречу с детьми — будь самим собой. Да, нужен элемент игры. Но это не значит, что надо делать пальцы веером. Мы должны понимать, в чем наша функция. Внести свою красочку-изюминку в действо. Дети — это такая фантастическая аудитория, которая многому учит. Если скучно — все! Вы посмотрите — они начинают разговаривать, вертеться, они не будут делать вид, что им интересно... Это взрослые могут промолчать и спрятать за открытыми глазами. Ребята начинают ходить, шуршать конфетами, разговаривать между собой. На моих встречах такое происходит! И педагоги начинают детей успокаивать. Я говорю — не надо! Я сам успокою их, сделаю так, чтобы вернуть их в игру со мной. Дети должны видеть, что артист может быть разным. А если они начинают разговаривать, а беззвучно открывают рот. Они замирают, следят за артикуляцией. Проверено. То есть дети постоянно не дают расслабляться.

— У вас был случай с детьми, который вас в тупик поставил?

— Был Хороший случай. Однажды я выступал перед детьми — жонглировал, показывал фокусы... И пригласил из зала на сцену детей. Кто самый смелый? Вот смотрю — сидит скромный такой худенький мальчик в очках. Думаю, сейчас с ним поиграюсь. Он выходит. Спрашиваю: “Что ты умеешь делать? Можешь поставить стул на голову?” Он говорит:

“Нет, стул на голову я поставить не могу, но стать на голову могу”. И становится на голову. Зал взорвался! Такое было ощущение, что мы с ним срепетировали. Спрашиваю дальше: “А что ты еще умеешь?” — “Я на роль играю”. — “Сыграй, пожалуйста”. Он сыграл. И спел. А еще оказалось, что он учится в математической школе и знает английский и французский чуть ли не в совершенстве! То есть вундеркинд. А я-то думал, что выбрал неумейку. Я должен был показать свое мастерство. И вот получил. И это в десять лет! Словом, дядя Юра, помолчите, пожалуйста. Сейчас очень много талантливых детей.

— А есть что-то несыгранное, о чем жалеете?

— Это Петруха из “Белого солнца пустыни”. Меня звал Мотыль, да в училище не отпустили. И в фильме “Иван Васильевич меняет профессию” Гайдай звал — снова не отпустили. Но я не жалею — такая уж судьба. Потом у меня пошли сказки всякие, “Фитили”, короткометражки, учебные работы.

— Ваши дети пошли по вашим стопам?

— Как ни странно, нет. У меня трое детей. Воспитывала их в основном жена. Старшая — Анна — коммерсант. Максим — ювелир, и учится в Строгановке. Пожалуй, только Ярославна может в какой-то степени продолжить династию — она учится на продюсера на экономическом факультете Школы-студии МХАТ. Я их спрашивал, почему не хотят идти в актеры. Они говорят — лучше не надо. Наверное, насмотрелись на меня...

— А жена что же?

— Она профессор-театровед, работает в Министерстве культуры, а также читает лекции по истории театра и славянской мифологии.

Она отличница по жизни. Как-то мне сказала: “Я и представить себе не могла, что стану женой двоюродника Сироматникова”. Мы, кстати, поженились первого апреля. Валя была тогда аспиранткой ГИТИСа, я учился на режиссуру. Из загса я отправился в Театр миниатюр играть жениха в спектакле “Точка зрения”, а потом вернулся в коммуналку, где уже собрались гости.

Беседу вела
Наталья БОБРОВА
Фото Ирины КАЛЕДИНОЙ